

Калитка заскрипела, и Григорич, вздрогнув от неожиданности, остановился, оглянулся и с удивлением посмотрел на неё. Скрип калитки он услышал впервые. До этого она никогда не скрипела. Никогда.

Это необъяснимое с научной точки зрения явление породило в посёлке множество слухов и домыслов. А местные зубоскалы выдвинули версию, что Григорич тайно ночью смазывает петли калитки маслом, чтобы застукать свою жену с каким-нибудь красавчиком. До выхода на пенсию Григорич работал на станции диспетчером, и ночные дежурства были обычным делом. В посёлке даже появилось выражение: «попросить у Григорича маслица», что означало — присмотреть за своей женой. Григорич на шутки не обижался и всегда отвечал шуткой. Все знали, что они с Клавдией живут душа в душу.

— Надо смазать, — машинально подумал Григорич и вдруг словно очнулся. — К чёрту! Всё к чёрту!

Он посмотрел на часы. Время до поезда ещё было.

— На дорогу к кладбищу и обратно — час, и там... и с Кузьмой проститься... Успею.

Кладбище, как всегда, появилось неожиданно из-за плотных кустов багульника, и Григорич замедлил шаг. Располагалось оно прямо в лесу. Причём лес здесь был такой густой, что могилы едва помещались среди деревьев. Неизвестно, кому первому пришло в голову хоронить именно здесь, но идея так понравилась, что все поселковые старики стали требовать от своих родственников, чтобы их упокоили именно в этом лесу.

Никакого порядка в захоронениях не было, могилы рыли, где удобнее, и поэтому дорога на самом кладбище разбивалась на множество тропинок. Но каждый знал свою, и Григорич шёл уверенно, не оглядываясь, лишь изредка здороваясь с односельчанами кивком головы или коротким «здрасьте».

Клавдия сидела на скамейке, и Григорич сел рядом.

— Здравствуй, Клавдия. Вот пришёл проститься.

Клавдия вздохнула и закачала головой:

— Уезжаешь, стало быть?

— Уезжаю, — ответил Григорич и опустил голову.

— А как же я? — спросила Клавдия.

Григорич резко встал со скамейки.

— Да пойми же ты! Не могу я здесь, понимаешь! Не могу! Я уже старик, а жизни не видел.

— А как же я? — повторила Клавдия.

— Ты только не подумай, что я бегу. Я работать буду. Я же ещё здоровый... — Григорич замаялся. — А к тебе я приезжать буду.

— Да, да, — вздохнула Клавдия.

Григорич снова сел.

— Ты, Клавдия, не отговаривай меня. Я уже всё решил.

— Да я тебя и не отговариваю. Если решил, то конечно... С детьми советовался?

Григорич махнул рукой.

— И письма писал, и телеграммы стучал... Как об стенку горох.

— Тяжело тебе будет, — опять вздохнула Клавдия.

— А сейчас мне легко?..

Григорич не закончил начатую было фразу и осёкся.

— Ты прости меня, Клавдия, — продолжил он поникшим голосом. — Не буду я перед тобой хорохориться. Чувствую, немного мне осталось. И как подумаю, что вот здесь, где родился и всю жизнь прожил, помирать буду, не по себе делается. Ты знаешь, я на проходящие поезда, как новое кино, смотреть хожу. Там люди из одной жизни в другую едут. А какая она, другая жизнь? Ты вот так и не узнала. А у меня ещё есть возможность.

Григорич замолчал. Так, молча, глядя куда-то в пустоту, он просидел долго.

— Как там у нас? — неожиданно прервав молчание, спросила Клавдия.

— Всё по-прежнему, — ответил Григорич. — В Чечне воюют, в Кремле воруют.

— Я не про это. Что нового?

— Говорят, скоро жить будем хорошо.

— Тоже мне новость, — возмутилась Клавдия. — Об этом, сколько помню себя, говорят.

— Пойду я? — спросил Григорич.

Клавдия молчала.

Григорич резко встал. Он вдруг испугался, что Клавдия сейчас скажет что-то такое, что заставит его усомниться в своём решении. И понял, что надо уходить.

— Прости, — бросил он, пряча от Клавдии глаза, и, не оборачиваясь, пошёл прочь от могилы жены.

Идти обратно оказалось труднее. В сердце заняла тупая боль. Ноги словно вязли в сухом песке, и где-то посередине кладбища он остановился, чтобы перевести дух.

— Здравсьте, дед Алексей, — услышал Григорич и, повернув голову, увидел сидящего на скамейке парнишку лет семи. Григорич сразу узнал его, это был сын обходчика Семёна Емельянова. Но вспомнить его имя никак не мог. Он подошёл к оградке и на могильном памятнике, сваренном из железа, прочитал: «Емельянов Антон Семёнович».

— Здравствуй, Антоха. Я тут посижу немного с тобой. А то что-то запыхался.

— Садитесь, дед Алексей, — обрадовался Антоха. — И вы отдохнёте, и мне не скучно. Вы к тётке Клавдии приходили?

Григорич кивнул, достал пачку сигарет и не спеша закурил.

— Понимаешь, Антоха, не бегу я. Мне на другую жизнь посмотреть охота.

— А я думал, жизнь везде одна, — протянул Антоха.

— Жизнь-то везде одна, да не везде одинакова, — возразил Григорич.

— А как же тётка Клавдия? — спросил Антоха.

Григорич вспылил:

— Да вы что, сговорились с ней, что ли? Я же не в Америку еду, а в райцентр. Здесь на электричке-то всего ничего. Не брошу я её, понимаешь, не брошу.

— А если что случится? Заболеете или... ещё чего? — не унимался Антоха.

— Заболею — вылечат. А если «ещё чего», в завещании укажу, чтобы здесь похоронили.

— Это как же? — не понял Антоха. — Из райцентра сюда повезут? Да ну. Там, небось, своё кладбище имеется.

— Завещаю, и повезут, — неуверенно ответил Григорич. — Ты когда утоп? Лет двадцать тому. Сейчас всё по-другому. Сейчас на специальной катафалке хоть в Америку, хоть куда могут увезти.

— Ух ты! — восхищённо воскликнул Антоха.

— Да, — вздохнул Григорич и, погасив окуроч, поднялся.

— Отец, видать, давно не навещал? Могилка-то вся заросла.

— Давно, — ответил Антоха. — Последнее время он всё жаловался, что работы много. Вы бы зашли к нему.

— Ладно, найду, — уже на ходу пообещал Григорич.

Возвращался медленно. Боль в сердце не проходила. Он часто останавливался, доставал сигареты, закуривал и подолгу стоял, оглядывая окрестности. Всё было знакомо и близко. Вот на эти поляны ещё мальчишкой бегал за ягодой. А с той горки зимой на санках катался. Да и сама дорога на кладбище за всю жизнь не один десяток раз исхожена была. Сколько родных, близких, друзей по ней провожать пришлось...

Вот и дом. Григорич остановился и внимательно, по-деловому, оглядел сруб и хозяйственные постройки. Всё в порядке. А вот забор за баней покосился. Подправить надо. И снова, вспомнив об отъезде, чертыхнулся.

— Вот чёрт. И дом отпускать не хочет.

Григорич обогнул баню и увидел Кузьму. Тот сидел на скамейке, лицом к железнодорожному полотну, и попыхивал своей трубкой. Григорич подошёл и, не говоря ни слова, сел рядом.

— Простился? — не повернув головы, спросил Кузьма.

— Простился, — ответил Григорич и полез в карман за сигаретами. Пачка оказалась пустой, и он, скомкав её, засунул обратно в карман.

— Поезд скоро. Опоздать не боишься? — заметил Кузьма.

— Завтра поеду. Кое-что доделать надо.

— Ну и правильно, — оживился Кузьма. — В таком деле торопиться не следует.

— Ты не помнишь, где Семён Емельянов живёт? — не обращая внимания на замечание Кузьмы, спросил Григорич.

— Это какой Емельянов? Путейщик, что ли? Так он уехал. Ещё весной.

— Как уехал? — удивился Григорич. — Куда?

— Так в город, к сыну. А ты что, не знал?

— Это когда я болел, наверное, — вспомнил Григорич.

— Точно, — спохватился Кузьма. — Ты аккурат с инфарктом в госпитале лежал. А тебе он зачем?

— Да так. Завтра опять на кладбище схожу. Могилку поправить надо.

— О Клавдии у тебя голова пусть не болит, — по-своему истолковав слова Григорича, сказал Кузьма. — За её могилкой я присмотрю. Можешь не сомневаться.

Григорич вдруг почувствовал, что расставаться с Кузьмой будет сложнее всего. И Кузьма — единственный из оставшихся в живых друзей, словно почувствовав тоску друга, спросил:

— Может, передумаешь ещё?

— Чего? — не понял Григорич.

— Ну, уезжать.

— Нет, Кузьма, — ответил старик нерешительным голосом. — Там уже всё готово. И квартира, говорят, хорошая, и мебель кое-какая есть. Начальство рассталось. Да и здесь я всё продал... Поеду.

— Рвать-то с корнями придётся, — не сдавался Кузьма.

— Я знаю, — ответил Григорич. Вдруг его будто стукнуло что-то.

«Куда я еду? — подумал он. — Всё самое дорогое для меня — здесь. Как же я смогу это бросить... А как без всего этого жить?». В сердце кольнуло, и тёплая волна побежала по всему телу. Григорич опустил голову на грудь и, еле заметно дёрнувшись, затих.

Локомотив бесшумно появился из-за насыпи и, медленно сбавляя скорость, стал заходить на первый путь. Из окон проплывающих мимо вагонов послышалась музыка, весёлые голоса шумных компаний, детский смех. Люди махали из окон руками и что-то кричали. Для полного ощущения праздника не хватало ленточек и шариков. Поезд подошёл к перрону и, закрипев тормозами, остановился.

Поезд подошёл к перрону и, закрипев тормозами, остановился. Сергей бросил карты, выпил остатки водки и встал из-за столика.

— Всё. Я пас. Пойду посмотрю, что за станция.

Выйдя в коридор, он встал у окна рядом с мужчиной из соседнего купе.

— Где это мы? — спросил он, с интересом разглядывая вид за окном.

— Какой-то полустанок, — ответил сосед.

— А долго стоять будем?

— Да минуты две. Не больше.

— Жаль, — вздохнул Сергей. — Ноги бы размять.

— Да, — согласился сосед. — Места здесь красивые. Уже час смотрю. Глаз не оторвать.

— Особенно для нас, горожан. Разве в городе такую природу увидишь? — поддержал разговор Сергей.

— Дело не только в природе, — возразил сосед. — Вы поглядите, как здесь люди живут.

— Как? — не понял Сергей.

— Крепко, — пояснил сосед. — Корнями к земле приросли. Не то, что мы — «перекати-поле».

— Ну, по-всякому, наверное, живут, — не согласился Сергей. — Как и везде.

— А вы посмотрите на этих двух стариков на лавочке, — сосед кивнул в окно.

— Ну, старики как старики, — с сомнением в голосе сказал Сергей.

— А вы представьте себе, что они прожили здесь всю жизнь, — возбуждённо продолжал сосед. — А это значит, что они знают такое, чего нам с вами никогда не узнать.

— Это что?

— Это чувство родины, — ответил сосед. — Вот что такое родина для вас?

— Ну... — замялся Сергей. — Страна, народ... и вообще...

— Вот именно, — прервал сосед. — Вообще. А для них в понятие «родина» вложен особый и очень конкретный смысл.

— Не знаю, — возразил Сергей. — Меня и моё понятие вполне устраивает. А всю жизнь прожить в этой дыре я бы ни за что не согласился. И вашим старикам предложи квартиру со всеми удобствами в городе, они, не задумываясь, все здесь бросят. Родина там, где хорошо. А хорошо там, где нас нет... О?! — удивлённо воскликнул Сергей. — Это что же получается? Получается, что родина там, где нас нет? Что-то слишком умно. Надо пойти выпить.

Сергей зашёл в купе и закрыл за собой дверь.

— Да, — произнёс сосед, — целое поколение выросло без родины.

Поезд плавно тронулся, и два сидящих на лавочке старика пропали из виду.

— Никуда они не уедут, — с каким-то внутренним облегчением выдохнул сосед. — Во всяком случае, очень хочется в это верить.